

Александр Ермак

Накафельные рисунки

рисунки раскраски

Александр Ермак

Накафельные рисунки

«Автор»

Ермак А.

Накафельные рисунки / А. Ермак — «Автор»,

В сборник рассказов «Накафельные рисунки» вошли 20 рассказов Александра Ермака, написанные в разные годы: «Бескорынский собственно», «Маня», «Маэстро», «Усы и пиво», «Воин», «Настя и шоколад», «Интервью», «В парке», «Жорик и большая политика», «Где живет Полусукин?», «Такса, крошки и следы», «Смерть стоматолога», «Кобыла Сонька», «Как бы я провел воскресение...», «Колумбус ихтиандрис», «Старуха № 2», «Сегодня по адресу „Филипукиса 8...“», «Портрет с натуры», «Время резать сыр». Все это рассказы о жизни, объединяемые видением и стилем Александра Ермака.

© Ермак А.

© Автор

Содержание

БЕСКОРЫСКИН СОБСТВЕННО	5
МАНЯ	8
МАЭСТРО	10
УСЫ И ПИВО	14
ВОИН	16
НАСТЯ И ШОКОЛАД	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Александр Ермак

«Накафельные рисунки»

БЕСКОРЫСКИН СОБСТВЕННО

ИЛИ

собственно Бескорыскин

Бескорыскин Венедикт Трифонович... Вам, наверняка, знакомы фамилия, имя и отчество этого почти гражданина с проездным билетом вместо паспорта. Еще издали вы узнаете его легкую и беззаботную походку, эту сутулую и местами худошавую фигуру. Вблизи же вы непременно любуетесь его аистинными ногами в вязанных носках и запыленных веками сандалетах. О, как они предпочитают горизонтальное положение покоя вертикальному. Впрочем Венедикт Трифонович не любит смотреть себе под ноги. Узкий чисто выбритый подбородок его крупной яйцеобразной головы всегда гордо вздернут. Он устремлен в будущее. Хотя и не исключает настоящего. Поэтому-то вы, конечно, и привыкли встречать на его плечах распахнутый, неснашиваемый всепогодный плащик из рыбьей кожи, с оставшимися, а также и с вновь приобретенными сазаными чешуйками.

Разумеется, вас не отталкивают потертые, утратившие цвет и форму шаровары с неизменной булавкой вместо пуговицы. Вы с восторгом взираете на белоснежную, безупречно отутюженную и накрахмаленную сорочку, могучей кольчугой покрывающую болезненную, впалую грудь.

Вам нравятся и стянутый морщинами лоб, и напряженное, тонкой бледной кожи лицо, и нахмуренные выгоревшие брови, и затуманенный мыслью взгляд лиловых глаз, и три веснушки на несколько красноватом орлином носу и, конечно, же губы – небольшие, искусанные в тревожном сне, прекрасно приспособленные для того, чтобы пить ими и напиток любви, и напиток забвения.

Скорее всего вы старательно обходите взглядом всклокоченные, несколько седоватые волосы, окутавшие маскировочной сетью аккуратные впрессованные в голову подушкой уши. Так же вы вряд ли обращаете внимание на желтовато-голубые мешки под глазами. Вам куда более интересны по-обезьянне длинные и сильные руки Венедикта Трифоновича. Узкие, цепкие кисти, откровенно скупающие по тяжелому физическому труду. Утонченные, вампирические пальцы, созданные для игры на струнах и клавишах женских тел, а также и сопровождающих их музыкальных инструментов.

Вы помните их волшебное пощелкивание в нужный такт и в том самом месте?... Конечно вы были на седьмом небе...

Как?... Я не ослышался?... Вы утверждаете, что не знакомы с Венедиктом Трифоновичем? И даже ничего не слышали о нем?... О, это означает, что вы в столице недавно, уж точно проездом, и любите, если не пирожки, то шанежки. И, соответственно, новые знакомства. Да-да, прекрасно вижу ваши подергивающиеся в нетерпении плечики, умаляющие и безупречно заискивающие глазенки:

– Бескорыскин? Где Бескорыскин? Ах, одну б минутку с Бескорыскиным...

В своих мечтах вы уже рисуете родной провинциальный городок с определенно имеющимися вокзалом, рестораном, театром, рынком, прудом, баней и даже университетом. И вы уже физически ощущаете прикосновение отчаянно запотевших, жадных и лихорадочно сотрясаемых пальчиков к вашей величественной и драгоценной руке. Округлившиеся губки, прямые спины, нервное и амброзийное дыхание, покусываемый ус, и шепот, шепот, шепот:

– С Бескорыскиным... С тем самым... Накоротке...

Но вижу: вы уже привстали, вы устали, вы полны переменчивых чувств. Вы только что смотрели на меня как на раздающего манну небесную, а теперь взираете как на глумящегося тирана. И вот уже совсем не смотрите. Не так чтобы полностью совсем, но куда-то в сторону и по сторонам:

– Не Бескорыскин ли вот этот? А может вон тот? И кто сказал, что это не женщина? Кто поручится, что Бескорыскин – это не псевдоним, не подставное лицо, не фикция, не химера?...

Я поручусь. Я – знаток Венедикта Трифоновича на данном отрезке субстанции. Я – немногий из приближенных и посвященных в пределах. Я – человек слова, нерасходящегося с великим делом его тела. Я, утверждающий на земле существование Великого и Неподвластного Венедикта Трифоновича Бескорыскина Собственно.

Я не только поручусь, я, если хотите, могу даже при случае представить вас Бескорыскину ЛИЧНО. Или его вам. Повторяю: если вы захотите этого окончательно. Многие, знаете ли, так вот бросались, а потом проклинали меня на чем свет стоит.

И именно поэтому я не тороплюсь, я хотел бы, чтоб вы отдавали себе отчет в том, на что вы идете, бежите, летите. Ведь знакомство с Бескорыскиным штука нелегкая во всех отношениях. Дело в том, что Венедикт Трифонович есть, существует и живет своей, увы-увы, не всегда устраивающей Вас с нами.

Скажет ему бывало сосед по жизни:

– Здравствуйте, Венедикт Трифонович!

И Бескорыскин, умиляясь радостным брызгам в соседских глазах, очень приветливо ответит:

– Доброй ночи, Стеша...

Хотя б звался сосед при том и в это же самое время Марией, Викторией, Ампиладой, Пал Сергеечем или на худой конец Мавзолеем Суриновичем. Да хоть звался бы всеми именами сразу.

И в следующий раз Венедикт Трифонович как обычно не заметит того же соседа. Или другого. Но услышав вновь:

– Добрый день, Венедикт Трифонович!

Столь же учтиво осведомится о здоровье приветствующего:

– А не усохла ли еще ваша любезнейшая печенка, Семен Семеныч? Почки, говорят, дорожают...

Помахав же перед чужими губами платочком с отпечатком губ собственных, отличившихся в какой-то непостной трапезе, Венедикт Трифонович обязательно тряхнет дружественное плечо, выжмет на него две-три капли из своих засушливых глаз и обязательно обдаст благороднейшей пылью. И все это он проделает совершенно без какой либо задней мысли. Не стоит благодарить его – Бескорыскин этого не любит. Раздует свои уши, нахочлит нос и в роковое мгновение может даже наступить на благодарного, приняв того по привычке за самого что ни на есть бытового таракана.

Нет, не стоит искать с ним новых встреч. Бескорыскин не терпит постоянства, ожидаемых неожиданностей, искусно вылепленных традиций. Может быть поднебесный сосед и так как-нибудь случайно вновь столкнется с данной высокого полета душой в жизни этой. В жизни же не этой возможно увидится со всеми своими близкими и дальними родственниками, обнимет старых друзей и новых подруг, улыбнется печальному сослуживцу и укусит за лошений нос начальника, но Бескорыскина на том бесконечном празднике совпадений он не найдет.

Впрочем такому течению обстоятельств нет смысла отчаиваться. Ведь как говаривал сам Венедикт Трифонович:

– Это не главное после...

Эх, Венедикт Трифонович, Венедикт Трифонович... Какая голова, какое сердце, какая поджелудочная железа, какая чакра, карма, вместе взятые напололам с харизмой.

Журналисты, и те с достоинством закрывают глаза на шалости Бескорыскина. Их дрожащие пальцы отказываются отстукивать на машинках славную фамилию в бесславных опусах. Одни только политики грызут на имитирующего гражданина ногти и налоги, отдают пошлые приказы милиционерам, но те лишь почтительно вскидывают натренированные ладони к козырькам своих форменных фуражек:

– Здравия желаем, Венедикт Трифонович!

Да еще дядя Сеня, приняв после работы душ и двести пятьдесят, тяжело отлюбив жену, злобно отсмотрев телевизор и сквозь детей, ежедневно храпит вслед Бескорыскину:

– Дыр-мыр-ед-д-д-т-в-а-ю...

Бескорыскин же, хотя и слышит слова дяди Сени разумом, сердцем такое не воспринимает в силу врожденного иммунитета. И потому, видимо, его не единожды в подворотнях, во дворах, на лестничных площадках били, чаще кормили, реже давали взаймы и никогда не получали одолженное обратно.

Вы насторожились? Вы хватаетесь за кошелек? За тот самый, что пригрелся на вашей груди или несколько ниже? Никто, вы слышите, никто не может заподозрить Бескорыскина ни в чем. Никто ни в чем. Вы же видите – это бессмысленно, это полный абсурд! Венедикт Трифонович не питает слабости. Особой почти. Ни к себе, ни к кому-либо или чему-либо еще. И глядя на вас, схватившегося за то самое место, он лишь улыбнется и загрустит по лету. И ни в жисть не возьмет у вас денег, сколько бы вы ему ни предлагали. Запомните, Бескорыскин неподкупен:

– О чем вы? Я всего лишь сын под солнцем...

Да, да, да, именно за это окружающие и прощают его мелкие AJAR EM TUER. И именно потому столько людей стремится притиснуться к нему поближе. И именно потому он разгоняет столь двуногие стихии. Обрушивает на них собственные молнии и потоки, и грузы.

Ага, вы остыли! Вы уже задумались о мерах, о заземлении. Блестящая мысль. Действительно не каждый может вынести такой подсолнечный удар. Впрочем от него умирали не многие. А провинциалы вообще обделываются легким испугом, мимолетной влюбленностью, незатейливой щедростью. Не надо только цепляться. Цепляться не надо. Это может действительно затянуть на орбиту. А сойти? А кто расскажет на своем провинциальном вокзале или на рынке, в театре, у пруда, в бане или даже в университете? Кто поведаст?

Подумали ли вы о ваших встречах? Кто из них тогда захочет пожать вам? Кто пригласит? Кто не ответит в сторону?

Думайте. Решайте. А я по-прежнему здесь. И я не отступаю от слова. Если шепнете «да», я тут же исполню заветное. Я поведу вас. И я представлю. Прямо пред ваши светлые:

– Собственно Бескорыскин...

Или даже:

– Бескорыскин собственно какая...

МАНЯ

Когда она была совсем маленьким львенком, все служители зоопарка звали ее Машкой или Маруськой. Потом, когда подросла – Марией, Маргаритой. Затем – Марьей, Марго. А теперь, когда состарилась и одряхлела, все называли ее просто Маня.

Жила она ныне не в железной, как подобает настоящему хищнику, клетке, а в заброшенном глубоком бассейне в самом конце зоопарка. Когда-то в нем хотели поселить пару морских слонов. Но бассейн просел, вода стекла, а ремонтировать его оказалось дороже, чем построить новый. Так и пустовал он, пока не додумались перевести в него старую, не интересующую посетителей Маню.

В ее клетке поселили молодого Роберта. Он рычал и кидался на прутья, пугая и приводя в восторг публику. Ну, совсем как Маня в молодости.

Он и ел также. В два счета разрывал и заглатывал полагающийся на обед кусок мяса. А Мане теперь подавали кашу с фаршем. Кости ей были не по зубам.

Даже и каши Маня ела немного. С каждым днем она двигалась все меньше и меньше. Обычно лежала, уткнувшись мордой в лапы. Не обращала никакого внимания на редких посетителей, дошедших до ее бассейна. И если бы впалые бока не вздымались от дыхания, Маню вполне можно было принять за чучело.

Однажды ей так сверху и сказали:

– Чучело.

Она и ухом не повела. И тогда посетитель кинул в нее огрызок яблока:

– Эй, слышишь меня?

Огрызок шлепнул Маню по спине. Но она даже не вздрогнула, как будто и не падало на нее ничего.

Посетитель таким поведением львицы возмутился:

– Не замечаешь, значит?

Обернувшись и убедившись, что рядом никого нет, он достал из сумки целое яблоко. Взвесив на ладони, запустил его в Маню.

Яблоко гулко стукнуло Маню по голове. Львица приподнялась и глянула в сторону посетителя. Потом вздохнула и снова положила голову на передние лапы. Вновь прикрыла глаза.

Посетитель рассмеялся:

– Что, царь зверей? Подыхаешь. Ну-ка, лови еще...

В Маню полетели новые яблоки. Одно снова попало в голову, другое ударило прямо по хребту.

На этот раз Маня приподнялась и села на задние лапы. Повернув морду, посмотрела в глаза посетителю. Тот ей на это указал пальцем:

– То-то же. Ты не можешь не замечать настоящего царя природы. Меня.

Маня устало зевнула. «Царя природы» же это просто вывело из себя:

– Значит, замечаешь, а слушать не хочешь?...

Он вновь потянулся к сумке. Но яблок в ней больше не было. И тогда посетитель поднял с земли камень, размером в кулак:

– Значит, тебя не интересно, что я тебе говорю, падаль ты такая африканская...

Он долго целился, чтобы попасть в Маню побольней. Потом со всей силы метнул.

Но «царь природы» не попал. На мгновение раньше Маня взвилась в воздух и, вытянувшись в струнку, перемахнула через барьер бассейна. Всей оставшейся в ее теле тяжестью рухнула на обидчика.

На дикий человеческий вопль к бассейну сбежались служащие зоопарка. Увидев под распластавшейся на земле львицей руки и ноги, защелкали затворами ружей. Но запыхавшийся доктор, глянув на Маню, остановил стрелков:

– Не надо. Она и так, похоже, мертва.

Из-подо львицы вытащили бледного и трясущегося посетителя. Доктор быстро осмотрел его и удивился:

– Жив-здоров, счастливчик. Ни одной царапины.

– Но как, как она могла? – в свою очередь изумился директор зоопарка, заглядывая в бассейн, – такая высота и молодому льву не по силам...

– Вот и ей оказалось не по силам, – вздохнул доктор, – судя по всему, сердечко ее еще в воздухе отказало.

– Ма... Ма..., – зашевелил губами пострадавший.

Доктор ему понятливо кивнул:

– Да-да, ее звали Маня...

МАЭСТРО

Смычок нежно коснулся струны. Рожденный соитием звук робко оторвался от скрипки и как бы завис в тишине. Но лишь на мгновение. Лишь на мгновение он оставался один. Смычок ударил еще одну струну. Прошелся всем своим упругим телом по третьей. Потом быстро по двум сразу. И вновь по одной. И снова, и снова.

Звуки взмывали поодиночке и группами, кучками, толпой, строем. Плачем, стоном, мольбою. Они набирали мощь...

– Милый, тебя к телефону...

Он не сразу понял.

Да, это, конечно, не скрипка. Это жена. Из-за двери.

Он вышел из кабинета:

– Какого черта! Сколько раз тебе говорить. Когда я работаю, меня нет ни для кого...

Жена развела руками:

– Милый, я все помню, но это твоя мама...

Он кивнул и вздохнул:

– Хорошо, я поговорю...

Из трубки понеслось:

– Соседка посоветовала мне совсем другие таблетки. Ты же знаешь: старые мне не помогают. А она показала мне другие. А я сказала, что сначала спрошу тебя. Так вот, эти таблетки...

Он знал, что если мать не остановить, то она будет говорить бесконечно:

– Хорошо, мама. Если твой доктор не против, то попробуй на здоровье...

Да, я куплю, куплю... Да, сегодня же... Обязательно... Да-да, конечно... Все... Все-все, я работаю, мама... Целую...

Он повесил трубку. В квартире было тихо. Напуганная им жена затаилась где-то в комнатах. Вместе с еще, наверное, спящим сыном.

Так хотелось сказать что-нибудь такое. Но он, лишь беззвучно рубанув рукой воздух, просто вернулся в кабинет. Снова сел за стол.

Он смотрел на нотные листы. Сегодня не вписал в них еще ни единого знака. Он не успел зафиксировать на бумаге даже те немногие звуки, что родились с утра.

Погладил листы. Провел пальцем по нотным линейкам и откинулся в кресле. Зажмурил глаза и взял в руки воображаемую скрипку. (Против ежедневной и многочасовой игры «в живую» бунтовали соседи).

Смычок нежно коснулся струны. Рожденный соитием звук робко оторвался от скрипки и как бы завис в тишине...

– Бух-бух-бух, – раздалось с улицы.

– Черт, – подскочил он и бросился к окну.

Оно было плотно закрыто. Но это не могло спасти от громоухания мусороуборочной машины.

Он затянул окно двойными шторами. Однако, в уши по-прежнему рвалось:

– Бух-бух-бух...

Пришлось дожидаться, пока машина уедет. А потом, потом он не смог сразу же усадить себя за стол. Решил выпить кофе. Этот напиток его и успокаивал и концентрировал одновременно.

Он подошел к полке. Но кофеварки на ней не было.

– Черт, опять утащила на кухню.

Он вышел из кабинета. Да, кофеварка была на кухне. Так же, как и жена.

– Сколько раз тебе говорить, чтобы ты не входила без меня. И не брала мою кофеварку...

Она удивленно подняла глаза:

– Но на ней уже была плесень... Я помыла. Вот возьми. Она практически высохла... И не сердись, пожалуйста. Я хотела, как лучше. Ведь нельзя пользоваться грязной посудой. Ты можешь заболеть...

«Черт, – подумал он. – Она права. Она, действительно, все делает для меня...»

Эта женщина была его второй по счету супругой. А первая... От воспоминания о первой у него шли мурашки по спине. Та женщина обустроивала этот кабинет, а, обустроив, так и осталась в нем. Сидела в кресле, наблюдая как муж пишет, играет. То кивала, то вскрикивала. Одергивала, наставляла, предписывала. Она была уверена, что никто, кроме нее, не знает, как он должен писать, как играть.

Однажды он не выдержал и ушел. И долго жил один. До того самого дня, пока не встретил Вторую. До того самого момента, пока она клятвенно не пообещала не мешать ему, выполнять все его указания, и жить по установленному им и только им распорядку.

Конечно, клятву Вторая нарушала. И что из этого? Еще один развод?... Но найдет ли он кого-нибудь лучше?... Есть ли в мире женщина еще более терпимая и послушная? Если нет, то он останется один. Опять один. Один на один с домовладельцем, счетами, покупкой одежды и готовкой еды, с кучей других непредвиденных проблем и обстоятельств. И они просто раздавят его, похоронят душу и музыку.

Нет, ему грех было жаловаться на вторую жену.

Он пил кофе и вновь пытался сосредоточиться. Закрывал глаза. Тер переносицу. Давил на виски. И начал, начал вспоминать те, утренние звуки. Но их вдруг перекрыл вопль раненого зверя.

Он пулей выскочил из кабинета:

– Ну, что там еще?

Жена дула на маленькую ладошку сына:

– Вот доигрался – дверью прищемил...

– А-а-а, – неслось из перекошенного болью ротика.

Он погладил сына по голове:

– Ну, упокойся... Ну, давай, я тоже подую...

В этот день он так ничего и не написал.

На следующий же с самого утра заявили водопроводчики и целый час выстукивали себе что-то на трубах. А когда ушли, то сколько не пытался он пробудить свою скрипку, слышал лишь знакомые удары по трубам:

– Бум-Бум-Бум...

И на последующий день ему опять мешали громкие и гулкие звуки: соседи двигали мебель. А может, бросали гири во время спортивных занятий.

Он пытался писать ночью. Но, во-первых, больше любил утро, день, солнечный свет, а во-вторых, даже через стену чувствовал: без него не спит и жена.

Она не включала свет. Она не ворочалась. Она не испускала и звука. Но он чувствовал, что она не спит. Думает.

За неделю ему удалось нормально поработать не более четырех часов. Он перенес на бумагу лишь первые звуки новой вещи. Дальше дело не шло. Его окружали, кричали, шептали, стучали, рычали, пели, орали булочники, точильщики, разносчики, пенсионеры, студенты, школьники...

Он просто сходил с ума, глядя на белые, не заполненные нотами линейки. Ведь ночью во сне он слышал свою музыку. Но днем не мог ее вспомнить, не мог поймать, ухватить, серьезно зацепиться хоть за что-нибудь.

А музыки становилось все больше. Он чувствовал, как она накапливалась в нем, давила, рвалась наружу. И ее надо было обязательно выпустить. Иначе... Он точно не знал, что может

случиться иначе. Может, побьет неповинного, всего лишь не вовремя зашедшего в дом почтальона. Или жену...

Надо было что-то решать, делать, и в один из вечеров он объявил:

– Дорогая, я уезжаю в деревню. Один. Вернусь, когда закончу эту вещь...

Из глаз ее побежали слезы, но она покорно собрала чемодан.

Скрипка запела... Два, три, четыре дня он писал как угорелый. Господи, какие звуки посещали его, как легко перекладывал он их на бумагу и с каким наслаждением считывал обратно.

К скрипке добавились виолончель и фортепиано, фагот и валторны. Не ладилось только с ударной группой. Барабаны звучали как-то не так. Они были чужими, какими-то утробно-водопроводными.

Он мысленно повысил тональность. Прослушал их раз. Другой. И вздрогнул от неожиданного человеческого. Это донеслось из-за двери. Это был голос хозяйки снятой им комнаты:

– Я вам плюшек принесла и молока. А то ведь на вас смотреть страшно, когда выходите, такой бледный...

– Спасибо...

Он не мог обидеть эту добрую простодушную женщину. Так, подсадовал немного. Но не рассердился, и довольно-таки легко вернулся к своим барабанам. Но те по-прежнему были не те...

Ночью он проснулся от стука капель дождя, и все понял. И бросился к столу. И записал их размеренные, восточного тона удары.

– Что случилось? – раздалось за спиной.

Он обернулся. В дверях, придерживая наброшенный на плечи халат, стояла хозяйка. Она испуганно осматривала комнату.

– Ничего..., – недоуменно пожал он плечами.

– Как, вы ничего не слышали?

– Нет. А что?...

– Вы не спите... Извините, но это не вы стучали?...

– Стучали? – переспросил он и все понял, – Ах, стучали. Да, наверное, я... Видите ли..., – начал он, но поглядев на хозяйку, осекся:

– Извините, я больше не буду...

Хозяйка ничего не сказала утром. Но он не мог уже работать как раньше. Все время пытался контролировать себя: не шипит ли вслух, не скрипит ли, не фыркает ли тромбоном, фаготом, саксом...

Он вернулся домой. Чтобы сказать:

– Я неплохо поработал. Но не доделал то, что хотел, и уеду еще на какое-то время.

Он знал куда. В одной из газет ему подвернулось объявление: «Для тех, кто хочет сбежать от цивилизации, от невыносимых людей... Маленький остров на одного. Все бытовые удобства. На любой срок...»

Это было то самое, заветное. Теперь он мог даже не только стучать, скрипеть и фыркать, но и проигрывать придумываемые партии всех инструментов на прихваченном с собой синтезаторе. Во всю мощь. Любое количество раз. В любое время суток.

Никто не мешал ему на этом крошечном каменистом острове. Ни волны, ни чайки не обращали на него никакого внимания. И он на них.

Писалось отменно. День за днем, ночь за ночью приближали его к завершению. Он блаженствовал, освобождаясь, проигрывая звуки и созвучия в голове, потом на синтезаторе, потом перенося их на бумагу, сливая одно с другим, третье с четвертым, вылепливая, высекая звучащее единое целое.

И в один из дней он как-то неожиданно, как-то вдруг закончил.

Перечитал все от начала до конца. Да, действительно, вещь была полностью готовой. И все же ему еще чего-то не хватало.

Он в недоумение выпил кофе. Прогулялся по валунам. Пожал плечами и вынес синтезатор на порог домика. Впервые проиграл все от начала до конца без остановки, с полной отдачей.

Легкое прикосновение смычка к струнам. Тишина. И потом длинно, протяжно. Звуки скрипки просто ввинчиваются в небеса. И вдогонку виолончель. Фортепиано. С ним перекликаются валторны и фагот. Пошли барабаны. Пауза. Тишина. Легкий ветерок по струнам. Парение. И просто парение...

Он играл вдохновенно. Он слышал, чувствовал свою музыку всеми частичками души и тела. И это было действительно восхитительно, божественно. Возможно, это была лучшая его вещь.

Он осознал это окончательно, когда закончил. И переживая это, не торопился снять пальцы с клавиш. Лишь гордо поднял голову. Вокруг, как ни в чем не бывало, плескались волны, парили чайки.

Никто не аплодировал...

УСЫ И ПИВО

Я вышел на кухню. Отец сидел за столом боком ко мне. В майке, мокрой местами от пота. С кружкой пенистого пива в руке. С пеной же на черных усах.

Увидев меня он улыбнулся:

– Проснулся, постреленок. Пива хочешь?

Мать шутя ударила его по спине полотенцем:

– Ребенка мне еще к пиву приучи...

Подала стакан воды. Я выпил. Отец прижал меня к себе. Пиво с его усов размазалось по моему лбу.

Выходя из кухни, я стер капли липкой жидкости на палец, облизал его. Пиво было странного, неведанного ранее вкуса. Я лег и снова уснул.

Когда вновь проснулся, долго не вставал, вспоминая. Наконец, вышел на кухню.

– Будешь завтракать? – спросила мать.

– Пить хочу...

– Кваску? – кивнул отец, сидевший за столом боком ко мне.

Я посмотрел на его чистую рубашку, на выбритое лицо, на кружку пузырящегося кваса в руке. Кивнул. Взял налитый отцом стакан и жадно выпил:

– А мне сон приснился.

– Ну...

– Что папка с усами и пиво пьет.

Отец рассмеялся:

– Это жара. Я никогда не носил усов и не любил пиво.

Из рук матери выскользнула тарелка и с грохотом упала на пол.

Отец вздрогнул:

– Не поранилась?

– Нет.

– Это жара.

– Жара, – согласилась мать.

Отец взялся за газету. Мать принялась сметать осколки тарелки. Я не видел ее лица, но мне показалось, что вместе с осколками в совок упала несколько слезинок.

Ничего подобного мне больше не снилось. Вот только с тех пор жутко хотелось попробовать пива. И еще я посматривал в зеркало, ожидая, когда вырастут усы.

Пиво довольно-таки скоро попробовал и полюбил на всю жизнь. Пробившиеся же юношеские усики высмеял отец:

– Что это за три волосинки под носом? Настоящему мужчине украшения ни к чему...

И я сбрил усы, чтобы не спорить с отцом. Но в тайне надеясь, что когда-нибудь все же их буду носить.

Я вырос и стал самостоятелен. Жил отдельно от отца с матерью. И теперь мог свободно отпустить усы. Но каждый раз по привычке сбривал их. Спыхватывался и обещал себе:

– Завтра обязательно. Завтра...

И вот отпуск. Жара. Целыми днями валяюсь. Какой день не бреюсь. Весь зарос щетиной. На кого только я стал похож...

Но в холодильнике у меня есть бутылка холодного пива. И я могу встать, дойти до кухни. Открыть дверцу. Свернуть крышку с бутылки и приникнуть к холодному горлышку. И прохлада тут же разнесется по всему телу. И станет хорошо.

И я встал и пошел на кухню. По пути глянул в зеркало. Побриться все же? Или оставить усы?

Я открыл холодильник. Взял бутылку, глотнул. И отчетливо вспомнил вкус того пива, что я слизнул когда-то с пальца, пива, которое пил тогда отец, который никогда не пил пива. Вспомнил и его усы, которых он никогда не носил. И мать, выронившую в то утро тарелку.

Неясная мысль зародилась в моей голове. И тут же ставшая вдруг скользкой бутылка выскользнула из руки. Ударилась о пол и разбилась.

ВОИН

Сразу после окончания института Веня, как отличник, был взят в хорошую компанию на должность помощника главного бухгалтера. Прилично зарабатывал и имел определенную служебную перспективу.

Целыми днями Веня возился с бумагами. Общался в основном со своими коллегами из финансовой службы:

- Добрый день, Клавдия Аполлоновна...
- Здравствуйте, Веня...
- Спасибо за отчет, Маша...
- Ну, что вы Веня...
- Успеем ли мы к окончанию квартала, Софья Николаевна?
- Обязательно, Венечка...

Атмосфера в службе была, что надо. Все относились к Вене с любовью: кто с материнской, кто с дружеской. И ему работалось легко и приятно. Веня отвечал своим коллегам тем же – приятностью слов и поступков. Ему думалось о том, как прекрасны люди и как прекрасен мир. И от таких мыслей он сам себе казался пушинкой, с утра носимой легким ветерком по делам, вечером доставляемой на дом.

В своей квартирке Веня ужинал, чем придется. Размышлял о том, что завтра ждет его на работе. Блаженно засыпал. Первое время. Но потом ни с того, ни с сего со сном начались проблемы: не спалось, хоть тресни.

Веня, вспомнив о чьем-то опыте, начал считать верблюдов:

- Один, два..., сто..., двести..., тысяча двести...

Потом слонов:

- Один, два..., сто..., двести..., тысяча пятьсот...

Пингвинов:

- Один, два..., сто..., двести..., тысяча семьсот...

Разная скотина стройными колоннами уходила за горизонт, но сон на смену, увы, не спешил.

Одна утомительная ночь сменяла другую. Помощник главного бухгалтера побледнел, под глазами у него появились круги:

- Веня, вы не заболели? – беспокоились сослуживицы.

Тот послушно сходил к доктору. Белохалатный мужчина, осмотрев, хмыкнул:

– Вы здоровы... В общем и целом. Разве что переутомились несколько? Попробуйте расслабиться, отдохнуть. Если не получится, я выпишу вам снотворное.

Веня не разделял докторское предположение, что бессонница произошла от переутомления. Ему по-прежнему работалось легко и с удовольствием. Дело было явно в чем-то другом.

«Но в чем? – спрашивал сам себя Веня, не забывая вести строгий учет новым тысячам животных, – Один, два..., сто..., двести..., тысяча восемьсот... В чем же дело?»

Верблюдов, слонов и пингвинов сменили жирафы, черепахи и буренки. Безрезультатно. Все караваны по-прежнему навевали отнюдь не сон – лишь тоску и уныние. Каждую ночь.

Хотел было Веня податься к доктору за лекарством, но в одну из ночей характер его сновидений изменился. На поле счетоводства появились новые герои, которых помощник главного бухгалтера вовсе и не вызывал: размалеванные папуасы с топорами и дротиками. Они не вышагивали строем за горизонт, но нахально врубались в стада Вениных животных. Забивали самые крупные экземпляры. Разделявали их, отплясывая возле костра. Затем жарили и пожирали.

Веня старался забыть о нашеств вениках и думать исключительно о мирно удаляющихся колоннах. Но папуасы появлялись снова и снова. До самого звонка будильника.

После нескольких подобных бессонных ночей в Вене накопилась злость на дикарей. «Видит бог, я не хотел» – подумал он и, вытащив из-под подушки арбалет, с двухсот шагов пристрелил вождя папуасов. Потом – главного жреца. И еще – самого крупного бойца. Увидев, как рухнул костяк племени, как бросились в рассыпную оставшиеся без руководства нашествники, Веня улыбнулся и крепко заснул.

Утром он как-то даже и не вспомнил про ночную битву, на работу же пошел с отличным настроением.

Его встретили с улыбками:

– Здравствуйте, Веня.

– Здравствуйте.

– Прекрасно выглядите. Отдохнуть, наверное, удалось?

– Удалось, – ответил Веня и только теперь вспомнил пристреленных вождя, жреца, бойца.

«Странно» – думалось помощнику главного бухгалтера. Он никогда в жизни не дрался. Не служил в армии. А тут так вот за раз убил трех человек. Хотя и во сне, но убил.

А папуасы, как оказалось, навсегда исчезли с горизонта. Но зато тут же объявились конные варвары. Они глумились, истребляли бредущих жирафов просто так, шутки ради.

Веня пытался сдержаться, но в одну из ночей все же сломался и, вынув из под одеяла меч, врубился в самую гущу неприятеля. Валились кони и люди. А он все прорубался к центру. Наконец увидел побледневшего, пытавшегося скрыться за щитом предводителя варваров. Прокричал:

– Ага!

Первым ударом Веня выбил щит из варварских рук. Вторым разрубил негодяя через плечо до самого живота. Кровь хлынула из распавшегося тела. Веня вытер с лица теплые брызги и крепко заснул.

На следующую ночь он недолго думал, когда увидел цепь надвигающихся солдат с винтовками. Вытащил на бруствер окопа пулемет и, установив прицел, дал длинную очередь. И еще одну. И еще одну. Вражеские солдаты падали десятками, как подкошенные...

НАСТЯ И ШОКОЛАД

При родах врач повредил ей ключицу и, объявившись на свет, она день и ночь напропалую орала благим матом. На шестые сутки, чтобы утихомирить новорожденную, перепуганный белый халат ввел морфия. Девочка успокоилась и блаженно заснула на руках матери.

Врач втайне от родителей продолжал колоть ей морфий до тех пор, пока ключица не срослась. И тогда другая боль охватила ее. Ничего не понимая, ребенок привык к наркотику и теперь у него начались ломки.

Маленькая девочка билась в истерике. Ее организм требовал укольчика – лекарства, от которого становилось тепло, уютно и спокойно, как в утробе. Но у врача подоспел отпуск и он улетел на Багамы.

А девочка ничего не ела и почти не пила. Исходила криком и слабела на глазах. Мать, глядя на измученное неведомой болью создание, тихо съезжала с катушек. И тогда другой, не уехавший на Багамы врач, с трудом найдя вену на крошечной ручонке, воткнул туда трубку от капельницы – накормил кровь глюкозой и витамином «Ц». Девочка выжила.

Врач, глянув на календарь с купающимися багамскими девицами, вздохнул и посоветовал:

– Везите ее к морю для окончательного...

Родители – известные деятели балета немедленно купили билеты в мягкий вагон и в ту же ночь повезли дочь в соленую и теплую сторону. Но на одной из станций мама с папой узрели на перроне продавца мороженого и не удержались, глянув на крепко спящую девочку, выбежали на минутку.

Ребенок не проснулся, когда поезд тронулся. Не разбудили девочку и крики за окном. Это кричала ее хрупкая мать, на которую возле самой двери вагона наехал каток, укладывающий на перроне новый асфальт. И это кричал отец, напрасно вставивший руку в железное колесо – злая машина не остановилась. Без каких-либо документов балетная чета скончалась на месте.

Только через час девочка почувствовала угрызения голода и проснулась. Писклявым голоском потребовала еды, а заодно воды и сухих пеленок. Но в запертом купе ее никто не услышал. Напрасно бегала она глазенками по пустым полкам. Напрасно пускала пузыри и переходила на визг. Никто. Никого.

Только через сутки, когда поезд на конечной станции загнали в тупик, кто-то заглянул в купе и, аккуратно сложив в узел балетные вещи, кивнул осипшему ребенку:

– Пока...

Лежать бы ей так еще сутки до обратного рейса, но зашла в вагон добрая старая уборщица. Охнув, положила девочку в ведро, отнесла на станционный милицейский пост:

– Найденыш...

Старший сержант прикрепил к ее пеленке бирку: «Вещ. док. № 374». Потом вздохнул и налил девочке кружку крепкого чая без сахара, который он съел еще по утру.

Ребенок требовал молока, воды. Но в конце концов выпил горькой жижи. Сердечко его забилося как бешеный мотор.

Старший сержант ничего не слышал. Он заснул у окна. Ему снилась невеста его еще более старшего по званию товарища. И рев девочки он принимал за рыдания собственной жены.

Утром старший сержант отвез ее в детский дом. Там, наконец, она набила свой бледный животик. Повар с удивлением влил в нее все остатки позавчерашней манной каши. Глянул на вчерашнюю, но заведующий остановил его:

– Не можем мы взять найденыша. В связи с переполненностью...

Старший сержант вернулся на станцию и, не смотря на визг девочки, еще раз напоил ее чаем без сахара. Найдя же подготовленный к отправлению состав, положил ребенка на багажную полку в одном из дальних купе.

Двенадцать лет каталась она с ветерком по всей стране. С одного поезда ее перекладывали на другой. Иногда перебрасывали. Позже переводили за ручку.

Девочка не знала, когда следующий раз ей сердобольно плеснут чая, кофе или портвейна напополам с вермутом. И потому не плакала, сберегая так необходимую для поддержания жизнедеятельности влагу. Она просто смотрела на мир переполненными как детские дома глазами. Ясными и грустными.

На одной из станций пьяный проводник пересадил ее в никуда не идущий вагон. Окоченев, девочка вышла из него и, оглянувшись, не нашла ни одного поезда вокруг. Шагнула на тропинку, пересекающую рельсы. Добрела до большого здания и постучала в окно с нарисованной рожей, похожей на опухшее лицо последнего из виденных ею проводников.

По причине сильного мороза приبلудную девочку без документов взяли истопником в школу. Она колола чурки, засыпала уголь, топила огромную как паровоз печь, а между делом посещала уроки.

Намаявшись за день, девчужка укладывалась в своей кочегарке на старом диванчике. Но крысы редко давали ей поглазеть на сны вволю. Жирные твари были не прочь полакомиться ее молоденьким мясом. И подчас целыми ночами она бросала в них кусками угля, отбивалась кочергой. А потом шла в класс, куда ее зачислили под именем Насти Воронцовой – как бы дочери умершей осенью истопницы четвертого разряда.

В ватную от недосыпа голову Насти с трудом лезли мудреные префиксы и тангенсы. Больше всего на уроках ей нравилось дремать. Но одноклассные мальчишки и девчонки были не хуже крыс. Стоило ей закрыть глаза, как они тут же щипали, пинали ее. А еще плевали прямо в лицо:

– Погасим головешку, погасим головешку...

Настя и в правду была похожа на головешку. Угольная пыль, сажа крепко въедались в кожу. Сколько она ни мылась, ни терла себя мочалкой, а то и пемзой, ничего не помогало. Лицо Насти лишь светлело на несколько часов, а потом в кочегарке к нему намертво приставала новая чернота.

А девочки с каждым годом приходили в школу все наряднее и ухоженнее. И мальчики как-то по другому стали смотреть на них. Только на Настю по прежнему плевали:

– Погасим головешку, погасим головешку...

Она боялась выходить из школы. Стоило только показаться на улице, как на нее тут же накидывались злые дети, только и ждущие, когда рядом не будет учителей. И потому Настя не ходила даже в магазин. Ела то, что приносили учителя из дома: недохлебанные щи, кашу, спитой чай. Ей ведь не много надо было, даже несмотря на то, что работать у печи приходилось на всю катушку, без выходных. И дивились учителя, глядя как она становилась сытой от двух-трех ложек похлебки:

– Девчонка будто святым духом питается...

И запал ей в голову этот святой дух. В школьной библиотеке нашла она книгу о нем. Взяла к себе в кочегарку на прочтение. И как-то вечером, загрузив печь углем, устроилась с книжкой на своем диванчике, но начать читать по складам не успела. За дверью раздались тихие шаги. В кочегарку вошел молодой учитель Аполлионарий. Он всего несколько дней назад приехал по распределению в их школу – преподавать искусствоведение. Родом был из какого-то другого далека. Никого еще в местечке не знал. Потому и задержался в тот день в школе:

– Как живешь Настя?

Чудно было девочке, что кто-то интересуется ее жизнью. И от смущения Настя не ответила ничего. А Аполлионарий, пройдясь по помещению, остановил свой умный взгляд на книге о святом духе:

– Правильно. Душа в человеке главное.

Потом он обнял, прижал к себе оцепеневшую вдруг Настю. Повалил ее на старенький скрипучий диванчик. Стащил нехитрую одежонку. И сделал ей больно.

Уходя, Аполлионарий подарил ей большую шоколадную конфету. Настя сунула сладость в рот, но неожиданно ее стошнило. И еще раз, и еще.

Ее просто выворачивало наизнанку. И отпустило только под самое утро. И она уснула на своем испачканном диванчике, запрокинув утомленную голову на книгу о святом духе.

Аполлионарий заходил теперь к ней как по школьному расписанию: два раза в неделю. Раздевая ее, шептал:

– Ты понимаешь, жениться я на тебе не могу. Хотя люблю тебя, не сомневайся. Но мне надо вернуться в большой город. Там у меня друзья: артисты, художники, режиссеры... А ты здесь... На, возьми, возьми конфетку...

И засовывал ей.

К весне года она забеременела, и в связи с окончанием отопительного сезона ее уволили.

Настя, не долго думая, села в первый попавшийся поезд, оказавшийся грузовым и следовавшим далее без остановки. В пути у нее кончилась вода, но спрыгнуть на ходу она не решилась. Смотрела под откос, и голова у нее шла кругом.

Во время разгрузки Настю нашли еще живой. Вызвали дежурного по станции старшего сержанта. Тот, вздохнув и составив протокол, отвез ее в больницу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.